

М.Е. Болтунов

ГОРЯЧАЯ РАБОТА НА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ

АНАТОМИЯ
СПЕЦСЛУЖБ

Михаил Ефимович Болтунов
Горячая работа на
холодной войне
Серия «Анатомия спецслужб»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64130957
Горячая работа на холодной войне: Вече; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8571-8

Аннотация

В 1950–1970 гг. у нас была самая сильная разведка за всю историю советского, да и, пожалуй, российского государства. Особенно если говорить о разведке, работавшей под крышей военной дипломатии. На этот период выпали главные достижения разведки – помощь нашим ученым в обретении секретов ядерного оружия, проникновение в натовские штабы, добывание рецептов твердого топлива для наших ракет и т. д.

Многие сведения были получены с помощью военных, военно-воздушных и военно-морских атташе, прошедших дорогами Великой Отечественной и ушедших на новую войну, названную холодной. Другие разведчики работали «под крышей» торгпредства, кто-то Интуриста, кто-то Аэрофлота, но все они занимались одним делом – разведкой.

Один из разведчиков сказал автору: «Мы не мерзли на холодной войне. Работа была слишком горячая». Эти слова стали ключом к названию новой книги Михаила Болтунова.

Содержание

«Ты настоящий русский ас»	8
«Зеленые» новички	16
Суперагент по имени «Мюрат»	21
Первые шаги на сложном и опасном поприще	31
Вновь на войне	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Болтунов

Горячая работа на холодной войне

© Болтунов М.Е., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Дорогие читатели!

Так уж исторически сложилось, что в нашей армии в разведку всегда отбирали лучших. Я бы подчеркнул: самых лучших. Вне зависимости от их прежней воинской профессии. Еще шла Великая Отечественная война, а руководство страны думало о будущем. В Кремле понимали, что после Победы Советский Союз за рубежом должны представлять люди не только смелые, опытные, творчески мыслящие, но и высокообразованные.

А вот как раз образования фронтовикам и не хватало. Многие кадровые офицеры, закончившие военные училища до начала боевых действий, погибли на полях сражений. Их места заняли так называемые «скорострелы», выпускни-

ки краткосрочных командирских курсов, ускоренных полугодовых программ военных училищ. Было многое в арсенале таких красных командиров, но отсутствовало главное – фундаментальное образование. И потому уже в 1944, в 1945 годах в действующей армии отбирали лучших и направляли их в военные академии. Фронтовики учились с огромным желанием. Как сказал мне однажды заслуженный генерал, «мы вцепились в науку мертвой хваткой».

Жизнь подтвердила правильность такого подхода. Сплав фронтового опыта и фундаментального академического образования обеспечил вооруженные силы страны на долгие годы отличными военными специалистами.

После окончания курса обучения офицеры уже готовились убыть в войска, но лучшим из них поступали новые предложения – перейти на военно-дипломатическую работу. А это значит вновь, образно выражаясь, сесть за парту, но теперь в Военно-дипломатической академии.

Случалось и по-иному. Выпускники академий уходили в войска, служили, набирались командного опыта, а потом им предлагали снова поучиться и стать военными дипломатами.

Эта книга о замечательной плеяде военных разведчиков, прошедших дорогами Великой Отечественной и угодивших на новую войну, названную холодной.

У них было особое, я бы сказал скептическое, отношение к этому термину. Как признался мне один из военных атташе: «Мы не мерзли на холодной войне. Работа была слиш-

ком горячая».

Вот об этой горячей работе я и хочу рассказать вам, дорогие читатели.

С уважением, автор.

«Ты настоящий русский ас»

Командир штурмового авиаполка подполковник Иван Дельнов читал наградные листы, подготовленные штабистами. «Ага, вот и наградной на Алексея Лебедева, сержанта, командира звена».

Дельнов пробежал первые строки: *«Действуя в составе 784-го штурмового авиационного полка Северо-Западного фронта, успешно совершил 20 боевых вылетов на самолете Ил-2. При этом самостоятельно и в группе уничтожил по не полным данным: танков до 2-х, обстрелял колонну автомашин до 40, с горючим, боеприпасами и живой силой до 100, повозок с различным грузом до 25, дзотов до 5, блиндажей до 7.*

Штурмовыми бомбардировочными действиями разрушил железнодорожное полотно на участке Ануфриево – Черенцы и шоссейную дорогу Рамушево – Васильевщина».

«Все верно, но где же воздушный бой? Он же просил штаба отметить», – комполка поднес наградной лист поближе к свету.

«20.02.43 г. выполняя задание по разведке, был атакован в районе Черенцы – Ануфриево четырьмя истребителями противника – три Ме-109 и одним «фокке-вульфом». Вступил в неравный бой».

Да уж, Алексей Лебедев удивил и порадовал. Три «мес-

сера» и «фоккер» – серьезная сила. В таких дуэлях у Ил-2 практически нет шансов. На стороне фашистских истребителей скорость, маневренность, да и опыт. Правда, Лебедев тоже не лыком шит, уже пять месяцев на фронте, двадцать боевых вылетов. Когда сам Дельнов начинал летать, в их полку не было ни единого летчика, сделавшего более восьми вылетов. Что ни говори, а враг штурмовика на земле. От истребителей более-менее успешно защищаться можно только группой: встать в «круг» и прикрывать друг друга. Но Лебедев оказался один против четверки вражеских истребителей. Тут, казалось, ничего не поможет. Только вот Алексей думал иначе.

«Благодаря отличной технике пилотирования, сочетал маневр с прицельным пулеметно-пушечным огнем, – прочел комполка. – Отбил шесть атак истребителей противника. В результате воздушного боя т. Лебедев сбил один Me-109 и один ФВ-190 и возвратился на свой аэродром без единой пробоины.

За успешное выполнение боевых заданий командования на фронте, за проявленное мужество, храбрость в борьбе с немецкими захватчиками достоин награждения орденом Красной звезды».

Подполковник Дельнов с удовольствием поставил свою подпись и дату «28 февраля 1943 года». В этот же день командир 243-й штурмовой авиационной дивизии полковник Сухоребриков утвердил представление. Алексей Лебедев по-

лучил свой первый орден.

Уже через две недели, в середине марта 1943 года, компания Дельнов представил новый наградной лист на сержанта Лебедева.

«За 26 боевых вылетов, – писал он, – т. Лебедев уничтожил 8 орудий полевой артиллерии, 22 автомашины с грузами, 1 бензозаправщик, 4 орудия зенитной артиллерии, 4 блиндажа, до взвода солдат и офицеров.

По всем данным имеются подтверждения наземных войск, постов ВНОС, истребителей сопровождения».

На этот раз Дельнов ходатайствовал о награждении подчиненного орденом Красного Знамени.

5 апреля приказом по 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта Алексей Иванович Лебедев удостоился высокой награды.

Вообще, 1943 год был весьма урожайным для летчика-штурмовика Лебедева. Он получил четыре ордена – два Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени. От сержанта дорос до старшего лейтенанта, от пилота до заместителя командира эскадрильи.

Вот лишь несколько выдержек из наградных листов.

«Участвуя в октябре месяце 1943 года в прорыве линии обороны немцев на Невельском направлении т. Лебедев совершает 18 успешных боевых вылетов, участвуя в 5 воздушных боях, где вновь показывает образцы бесстрашия и героизма, увлекая за собой ведомых.

Так 18.10.43 г. группа из шести Ил-2 под командованием Лебедева была атакована над целью шестью истребителями ФВ-190 и одним Ме-109. В результате умело организованного группового боя Лебедев лично сбивает один ФВ-190 и группа выходит из боя без потерь.

17.12.43 г. был ведущим группы шести Ил-2. После успешного выполнения боевого задания при отходе от цели группу атаковали восемь фашистских истребителей ФВ-190. Тов. Лебедев принял решение не уходить, а принять воздушный бой и увлечь противника на свою территорию. В результате хорошо организованного воздушного боя группа сбивает один ФВ-190 и Лебедев лично сам, будучи раненым в лицо, истекая кровью, сбивает второй ФВ-190.

Группа вышла из боя и возвратилась на свой аэродром без потерь».

Как мы видим, Алексей Иванович остается верен себе. И фраза, кочующая из наградного листа в наградной: «В бою ведет себя смело, показывая образцы мужества и отваги», приводится его командирами не ради красного словца.

Военный летчик, полковник запаса, зять Лебедева, Иннокентий Старновский, вспоминая фронтовые будни Алексея Ивановича, скажет: «Он был поразительно смелым человеком и классным пилотом. Провел 11 воздушных боев, сбил в воздухе лично 4 истребителя противника. Это же уникальный результат! Штурмовику противостоять истребителям, да еще в одиночку, практически невозможно. У

нас ведь, в Великую Отечественную основная масса летчиков-истребителей по одному-два самолета врага сбивали. А то и вовсе не сбивали. Да, летали, прикрывали своих, поддерживали, но сбить так никого и не смогли. А Лебедев на штурмовике уничтожил четыре вражеские машины.

Лебедев физически был очень сильный и смелый человек. Хорошо чувствовал самолет. В бою выводил машину на предельные режимы, потому и побеждал».

В июне 1944 года, еще будучи старшим лейтенантом, Алексей Иванович возглавит эскадрилью. Через два месяца ему присвоят звание капитана. Теперь в наградных листах появятся новые формулировки.

«За период боевых действий показал себя умелым организатором и руководителем эскадрильи. На поле боя действиями подчиненных руководит грамотно.

Под его командованием эскадрилья участвовала в боях на Ковельском направлении, при взятии городов Пинск, Холм, Люблин, Демблин, при прорыве линии обороны на западном берегу р. Висла. За это время эскадрилья сделала 225 успешных боевых вылетов».

За умелое руководство эскадрильей в августе 1944 года капитан Алексей Лебедев будет удостоен ордена Александра Невского.

А в марте 1945 года наступит его звездный час. На подпись командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову пред-

ставят наградной лист. На первой странице будет указано: «Лебедев Алексей Иванович, гвардии капитан, командир эскадрильи 71-го гвардейского штурмового авиационного Краснознаменного полка. Представляется к званию Героя Советского Союза».

«За произведенные 82 успешных боевых вылета на самолете Ил-2 на штурмовку и бомбардировку войск и техники противника, за проведение 11 воздушных боев с истребителями немцев, за лично сбитые 4 самолета противника, за проявленное мужество, отвагу и героизм – достоин награждения высшей правительственной наградой – присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Маршал Жуков подпишет этот наградной лист 17 марта 1945 года.

Но ничего этого не знал комэска Лебедев. К тому времени он уже находился в Москве, был зачислен слушателем подготовительного курса командного факультета Военной академии командно-штурманского состава ВВС Красной Армии.

Готовились на подготовительном полгода, а потом их зачислили на первый курс академии.

В мае 1946 года состоится указ Президиума Верховного Совета СССР, и на груди Алексея Лебедева засверкает золотая звезда Героя.

После окончания академии майор Лебедев приказом Главкома ВВС будет назначен командиром штурмового

авиаполка на Дальний Восток. Следующая служебная ступенька – старший инспектор-летчик управления боевой подготовки ВВС. Казалось бы, военная карьера Алексея Ивановича складывается вполне успешно. Ему всего тридцать лет, а он уже прошел основные авиационные командные должности – командир звена, эскадрильи, полка, служит в управлении боевой подготовки. За спиной бесценный фронтовой опыт, знания, обретенные в академии, авторитет летчика-аса, Героя Советского Союза. Служи да радуйся. Собственно, это и делает Лебедев. Но жизнь удивительно непредсказуемая штука. Однажды Алексею Ивановичу предлагают сменить профессию: из авиации перейти в... разведку.

И в этом не было ничего удивительного. Военная разведка всегда отбирала лучших. А Лебедев, без сомнения, лучший. Правда, в авиации. А что ждало его в разведке? На этот вопрос, смешно сказать, но он не мог себе ответить даже в общих чертах. Поскольку представление о работе разведчика было весьма смутное.

И все же, все же... Было в этом предложении нечто привлекательное. Спроси, что? Вразумительно не сможет объяснить. Только возьмет баян, растянет меха и заведет, заиграет мелодию, растревожит душу.

Вернувшись из тяжелого боевого полета, когда от усталости и пережитого нервного напряжения и пальцем-то пошевелить не вмоготу, Алексей доставал из чехла баян, и вздыха-

ли басы под его быстрыми пальцами. Текла мелодия, заполняя комнату, грустнели лица боевых товарищей, а ему так лучше думалось. Он по минутам перебирал бой – маршрут до цели, нанесение удара, подавление зениток, выход... Как свалились на голову немецкие истребители. Как действовал сам, его ведомый, летчики эскадрильи.

Играл, звенел баян. Звуки то взлетали вверх, то падали, словно в пике, вниз. Комэска Лебедев знал, что скажет завтра он своим летчикам, чему научит, подскажет. А что он скажет сегодня себе? Давно уж нет хищных «мессеров», заходящих со стороны солнца. И самолеты его полка мирно дремлют на аэродроме. От него ждут не разбора вчерашнего горячего боя, а простого и ясного ответа – уходит он из авиации в разведку или остается.

Одно знал твердо, если он соглашается на предложение, его вновь ждет академия, на этот раз военно-дипломатическая, по сути, опять «студенческие годы», освоение совершенно новой, незнакомой воинской специальности. Нетрудно посчитать, что, поступив в академию в 31 год, он закончит ее в 35. И будет еще «молодым» и «зеленым» военным дипломатом. В общем, как подшучивали друзья-авиаторы: «Ты, Леша, станешь там настоящим карьеристом». Словом, хоть так прикидывал, хоть этак, – все было против. И только сам Лебедев оказался за. Он дал согласие, и жизнь его бросила в крутое пике.

«Зеленые» новички

...В 1955 году Лебедев завершил обучение в военно-дипломатической академии. Как и предыдущую академию ВВС, он окончил ее с отличием. Его направили в Париж, сразу на высокую должность военно-воздушного атташе. Возможно, здесь сыграла свою роль золотая звезда Героя Советского Союза. Впрочем, в ту пору в Главном разведуправлении служило немало героев. Люди они в любом коллективе заметные, пользующиеся авторитетом, безусловно преданные своей стране, потому и попадали в поле зрения кадровых органов ГРУ.

«Однако, – как сказал мне однажды старый заслуженный генерал ГРУ, – не все герои преуспели на поприще военной разведки. На войне нужна смелость. Безусловно, все они были смелые ребята. Но в разведке одной смелости мало».

Это, без сомнения, понимал и Лебедев. Тем более что с первых дней обучения будущая профессия стала преподносить сюрпризы. Главным сюрпризом стал... французский язык.

Дочь Алексея Ивановича Светлана, вспоминая, как отец сидел за французским и день и ночь, говорит: *«Ну, какие знания иностранного языка? Представьте себе маленький хуторок в Костромской губернии. В семье семеро детей. Старшие и в школу то не ходили. Из довоенных, один отец ха-*

раakter проявил, уперся, и его отпустили в школу. Бегал за несколько километров. Окончил семь классов, поступил в автомеханический техникум при заводе, потом авиационная школа, война. Какой французский?»

Преподавательница в академии, намучившись с ним вдоволь, сдалась: «Лебедев, вы никогда не будете говорить по-французски. Это нереально». Вот такой, признаться, горький вердикт.

Однако она ошиблась. Он заговорил по-французски. Тем, кто знал Алексея Ивановича, я задавал вопрос: мол, как у Лебедева было с языком? Все с удивлением пожимали плечами: «С языком? Хорошо». А кто-то тонко подметил: «Знаете, его легкая природная картавость отлично срослась с французским».

Впрочем, трудности были не только с языком. Долгожданный Париж встречал советских военных дипломатов совсем не так, как им виделось из Москвы. Крепнувший ветер холодной войны выдувал остатки теплых, добрососедских отношений.

«Мы имели за плечами боевой опыт, академию, – вспоминал однокурсник и друг Лебедева генерал Владимир Стрельбицкий, – но были еще «зелеными» новичками в стратегической разведке. Обстановка во Франции в ту пору была сложная. Отношение к нам со стороны как официальных властей, так и населения далеко не дружественное. Порой узнав, что ты советский, могли и в лицо плюнуть. Сидишь

на стадионе, кто-то заговорил с тобой, как только узнал, что из Советского Союза – встает и уходит.

В прессе постоянно нагнеталась атмосфера активизма, шпиономании. Поэтому работать было тяжело. Мы приехали, а военный атташе полковник Зотов говорит: ищите информацию по газетам, журналам, отслеживайте, пишите. Особенно ничего и не требовал, поскольку такая вот сложная оперативная обстановка была.

Однако мы рвались в бой. И не собирались отсиживать-ся в резидентуре, перелистывая газеты. Вот тогда Алексей Иванович Лебедев и проявил свои недюжинные способности. Он находил и вербовал людей, которые творили чудеса!..»

Что же это были за люди?

Один из них – Джованни Ферреро, итальянец по происхождению, редактор в компании «Фиат-Франс». Он работал секретарем и доверенным лицом начальника управления вооружений и авиации фирмы «Фиат».

В 1971 году это управление поглотила государственная авиакомпания «Аэра Италия». Ферреро, пользуясь дружескими отношениями с руководителем управления, имел доступ к секретным материалам компании. Среди этих материалов была и документация, которая поступала из НАТО.

«Джованни Ферреро, – пишет в своей книге Тьерри Вольтон «КГБ во Франции», – передал почти 1,5 кубометров документов, в частности касающихся: автоматической системы НАТО для наземного управления средствами ПВО;

консультативной промышленной группы НАТО (организации, занимающейся стандартизацией промышленного оборудования для армий стран НАТО); программы совместных исследований в области вооружений (американской организации, которая осуществляла некоторые военные проекты стран – членов НАТО); организации снабжения вооруженных сил НАТО; европейской научно-исследовательской организации по ракетам; сведений об американском самолете F-104, в числе которых отчет о летных испытаниях; сопоставительный доклад ВВС США о летных испытаниях американского истребителя «G-91 Fiat»; отчетов о различных совещаниях и исследованиях ОЭСР (организации экономического сотрудничества и развития, штаб которой находился в Париже)».

Тьерри Вольтон утверждает, что этого ценного агента завербовал военно-воздушный атташе СССР во Франции полковник Алексей Лебедев.

Джованни Ферреро входил в разведгруппу Сергея Фабиева. Их арестовали в марте 1977 года. Сначала Фабиева, потом Ферреро, Роже Лавалья, Марка Лефевра.

«Группа Фабиева работала с 1963 года до конца декабря 1974, когда деятельность ее по тайнственным причинам прекратилась», – задается вопросом Вольтон.

Сегодня эти таинственные причины достаточно хорошо известны. Центр прекратил свою работу с группой Фабиева неспроста. В ГРУ уже давно просчитали, что в их рядах ра-

ботает «крот».

«Мы прекратили работу с группой Фабиева, – вспоминает ветеран военной разведки, генерал-лейтенант в отставке Юрий Бабаянц, – еще в октябре 1973 года. Сделано это было по указанию Центра. Когда в 1977 году Фабиева и его группу арестовали, я готовил докладную в ЦК партии. Написали как обычно, что очевидно агент допустил оплошность, потерял бдительность. Начальник управления генерал Борис Дубович возвратился от Ивашутина и говорит: «Все нормально. Надо только в докладной кое-что поправить. Там Петр Иванович написал». Я открыл папку и вижу, в докладной зачеркнута моя фраза об оплошности агента и рукой начальника ГРУ написано: «В результате предательства».

Бегу за генералом Дубовичем. А он говорит: «Пиши так, как сказано». О чем это говорит? Уже в 1972–1973 годах было ясно: из ГРУ идет утечка. Потому и работу остановили».

Однако вычислить предателя было крайне сложно. Тем более что им оказался такой матерый агент, как генерал Поляков. Поэтому, к сожалению, остановка оперативной деятельности не спасла агентов группы Фабиева. Контрразведке удалось вычислить их даже по косвенным признакам, арестовать и отдать под суд.

Суперагент по имени «Мюрат»

Да, Джованни Ферреро был весьма эффективным и полезным источником, но настоящей звездой на небосклоне военной разведки конца 1950-х – начала 1960-х годов стал суперагент Мюрат. Он проработал с нами десять лет. Удостоился высшей награды СССР – ордена Ленина. Мюрат носил звание полковника, был офицером штаба НАТО в Западной Германии. Имел доступ к самым секретным документам Североатлантического альянса.

Он первым добыл и передал нам «План Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами НАТО в Европе № 110/59 от 01.01.1960 года по нанесению ядерных ударов».

Когда материалы этого плана представили руководителю Советского Союза Никите Хрущеву, тот был в шоке. Прошло всего полтора десятка лет со времени окончания Второй мировой войны, а США уже отработали документ о ядерном уничтожении СССР – своего недавнего союзника в борьбе с фашизмом.

В плане было подробно расписано, на какие советские города, промышленные и военные объекты американцы планируют сбросить атомные бомбы. Кроме того, кратко оценивался характер будущей войны, определялись задачи и давались указания по взаимодействию.

В приложениях определялись силы и средства ядерного

нападения, их распределение на театре военных действий, приводилась характеристика целей и определялся порядок их уничтожения.

Что испытывал Никита Хрущев, получив этот документ? По сути, руководитель Советского Союза держал в руках похоронку на свое Отечество. О чем он думал, читая американские планы уничтожения собственной страны? Что вообще может чувствовать нормальный человек в эти минуты?

Несомненно, это была величайшая победа нашей военной разведки. Путь суперсекретного плана из тайного сейфа НАТО до кремлевского кабинета Хрущева оказался опасным и тяжелым. Но он был успешно пройден и документ добыт. И добыли его, по существу, два человека – агент Мюрат и его руководитель Алексей Лебедев. Да, безусловно, работали они не в гордом одиночестве. Их направлял, оберегал Центр, резидентура ГРУ во Франции. Помогали, прикрывали коллеги Лебедева, но надо сказать четко и однозначно – завербовал Мюрата именно он – военно-воздушный атташе СССР, Герой Советского Союза Алексей Иванович Лебедев. А вот как это произошло – история интересная и познавательная.

Познакомились они на приеме у известного мецената и киномагната Шарля Спаака. Лебедев беседовал с американским генералом, когда к ним подошел Спаак и представил полковника ВВС Франции. Оказалось, тот служил в одном из штабов НАТО в Западной Германии.

Алексей Иванович кое-что слышал об этом французском полковнике. В офицерской среде натовцев тот позволял себе некоторую экстравагантность и фрондерство, пользуясь своей принадлежностью к старинному французскому роду. Говорили разное: одни считали его анархистом, свободомыслящим человеком, другие, наоборот, утверждали, что он честью и правдой служит американцам и является их человеком.

Позже Лебедев узнает, что и француз заочно тоже слышал о нем. Все-таки они оба боевые летчики. А Алексей Иванович – советский военно-воздушный атташе. Храбро воевал с фашистами. Его хорошо знали французские ветераны легендарного полка «Нормандия – Неман», воевавшего на Восточном фронте, бок о бок с советскими пилотами.

Полковник в отставке Иван Лазарев, в ту пору служивший инспектором ГРУ, вспоминает: *«Французская резидентура была очень активной. Номер один резидентура. По крайней мере, в Европе».*

А Алексей Иванович Лебедев – Герой, боевой летчик! Он был вхож в самые высокие авиационные круги Франции. Среди его хороших знакомых – генералы и старшие офицеры, прошедшие войну.

На вид он угловатый, этакий костромской медведь, но дружить умел, всегда был душой компании. Мог ночь напролет пить, «гудеть», гостей умел потчевать, угощал грибочками деревенскими. В общем, понравились они друг другу.

Думаю, сыграл свою роль и тот факт, что Мюрат с антипатией относился к американцам. Не любил их за высокомерие, снобизм, желание всюду командовать».

Спаак, представив француза, вскоре удалился. Вместе с ним ушел и американский генерал. Полковники, летчики – советский и французский – остались вдвоем. Признаться в тот вечер Лебедев видел перед собой старшего офицера НАТО, и уж если не врага, то далеко не друга. Ожидал услышать очередную словесную атаку по различным проблемам холодной войны. Сколько уж их выдержал советский атташе, не счесть. Но француз и не собирался пикетироваться, был на удивление доброжелателен, весел. Стали вспоминать фронтовые будни, боевые эпизоды, курьезные случаи.

Французский полковник оказался летчиком-истребителем. Лебедев сказал, что воевал на штурмовике Ил-2.

– О! Серьезная машина. Сколько боевых вылетов? – поинтересовался француз.

– Восемьдесят два. Четыре сбитых самолета, – ответил Лебедев.

– На земле? – полковник показал характерный жест, изображающий пикирование штурмовика.

– Нет, в воздухе.

– Ты, штурмовик, сбил четырех фашистов в воздушном бою? – изумился француз.

– Жаль, что только четырех...

Полковник рассмеялся. Он по-дружески взял Лебедева

под локоть.

– Знаешь, Алексей! Я истребитель, а сбил всего пять самолетов. А ты, штурмовик, почти столько же. Фанастика! Ты настоящий русский ас.

Француз внимательно поглядел в глаза Лебедеву.

– Пойдем, выпьем за нашу победу!

Алексей Иванович был немало удивлен и обрадован. Выпили. Каждый рассказал о себе. Полковник без утайки поведал о службе в натовском штабе, о должности, которую занимал. Дал понять, что осведомлен о многих делах и проблемах, поскольку имеет доступ к соответствующим документам. Признался, что обстановка, в которой он работает, не простая. По роду службы ему приходится находиться среди немцев и американцев. Первых он не любил за фашизм и трагедии войны. Ко вторым тоже относился с неприязнью, нередко говорил американским коллегам колкости. Француз охотно согласился на предложение встретиться еще раз.

Анализируя их первую встречу, беседу, Лебедев во многом сомневался. Не подстава ли это? Все складывалось уж слишком гладко. Высокопоставленный натовец, штабной офицер, имеющий доступ к секретным материалам, и вот такой открытый, запросто пошел на контакт. «Слишком крутой вираж ты зложил, Леша, – говорил себе Лебедев, – как бы не сорваться в штопор».

Опасения укрепились, когда француз не пришел на оговоренную встречу.

Казалось, их отношения закончились, так и не начавшись. Но судьба подарила им еще одну встречу. Недельки через три они случайно увидели друг друга в театре. Полковник извинился, сослался на служебные дела и предложил встретиться вновь.

Так и сделали. И эта встреча расставила все точки над «и». Француз раскрылся сразу. Он говорил, что США готовят войну против СССР и стараются втянуть в ее подготовку европейские страны. Отсюда и неприязнь его к американцам.

Чтобы подтвердить сказанное, полковник предложил показать, а возможно и передать на короткое время материалы НАТО. Там документально зафиксировано, как Соединенные Штаты готовятся к новой войне. Только теперь к войне ядерной.

Лебедев слушал, как огорошенный. Он готовился к трудной встрече, к спорам, убеждениям, отстаиванию своей позиции. Подыскивал веские аргументы, чтобы уговорить француза дать хотя бы какую-то устную информацию. А тот вдруг сам предлагает документальные материалы. Это даже выглядело подозрительно. Но Лебедев интуитивно почувствовал: полковнику можно и нужно верить. Он вполне искренен и правдив.

Алексей Иванович не ошибся. Правда, на первых порах, во время их редких встреч (ведь французу приходилось приезжать из Германии в Париж), полковник снабжал его в ос-

новном устной информацией. Она была тоже к месту, но, увы, не говорила о перспективности его нового знакомого.

И вдруг через полгода француз передает первый совершенно секретный документ штаба Верховного Главнокомандующего НАТО – приказ на проведение крупных учений «Фул Плей». Приказ объемный, 52 листа. В нем излагались планы руководства альянса по применению ядерного оружия в ходе боевых действий на центральноевропейском театре. Также документ содержал описание замысла учений, состав сил, распределение зон боевых действий сторон, перечень целей, последовательность операций.

План натовских учений вызвал большой интерес у руководства Главного разведуправления. Центр неожиданно прозрел и увидел в полковнике ВВС не просто доверенное лицо, а перспективного, ценного агента. Ему был присвоен оперативный псевдоним Мюрат. Резидентура в Париже в свою очередь получила указание обратить самое пристальное внимание на будущего агента, закрепить его за разведкой, проявить внимание и заботу, нацелить на добывание конкретных документов по НАТО.

В то же время в Москве желали подробнее узнать, кто он, этот таинственный натовский полковник?

На подобный вопрос мог ответить пока один человек – Алексей Лебедев. Вскоре на столе у начальника европейского управления ГРУ генерал-лейтенанта Коновалова появилась шифрограмма из Парижа.

«Мюрат родился в богатой дворянской семье, — писал Лебедев, — Мюрат — барон. Своим титулом гордится. В семье все боготворили мать. Высокообразованная женщина, она прекрасно знала историю, особенно русскую. Ценила Россию. Любила русскую классическую литературу и музыку и прививала эту любовь сыну.

Войну начал как гражданский летчик. Эвакуировался в Англию. Переучился на боевые самолеты. Отражал немецкие налеты на Лондон, принимал участие в боевых действиях в Северной Африке, позже в Европе.

Нынешним прохождением службы не доволен. В коллективе выделяется независимостью суждений, прямоотой и резкостью, что не нравится руководству.

Сознательно пошел на сотрудничество с нами, считая, что блок НАТО потенциально агрессивен и может втянуть мир в новую войну. К этому убеждению пришел трудным путем, изучая руководящие документы НАТО, и вопреки сильному влиянию родственников.

Имеет доступ к информации с грифом «Космик. Сов. секретно», «НАТО. Секретно».

От коммунистических идей далек, но искренне верит в мирные цели нашей политики.

По характеру вспыльчив, резок, немногословен, остроумен. Смел и решителен. Имеет болезненное чувство собственного достоинства.

Внешне по-мужски симпатичен. Поджар. У женщин

пользуется успехом».

Вот таким виделся Алексею Лебедеву Мюрат. Тем временем их отношения успешно развивались. На очередной встрече с Лебедевым Мюрат передал три совершенно секретных натовских документа, подтвердив тем самым уникальные возможности и желание добывать ценные материалы.

Центр вновь обратился к фигуре Мюрата и подверг тщательному анализу проводимую с ним работу. Сотрудники оперативного управления сделали вывод: *«...Мюрат обладает хорошими возможностями для добывания ценной документальной информации. К включению в агентурную сеть еще не подготовлен. Отношения и связь с ним не закреплены и не носят стабильного характера. Пока не ясен мотив его сотрудничества с нами даже для ведущего оперативного офицера».*

Все написанное в аналитической справке соответствовало действительности. Начальник ГРУ согласился с мнением управления, однако взял переписку по Мюрату под личный контроль.

Действительно, мотив сотрудничества был пока не ясен для Лебедева. Сначала он считал, что здесь материальная основа, однако потом изменил свое мнение. Предложенное вознаграждение за материалы Мюрат отклонил, взял только небольшую сумму, чтобы возместить транспортные расходы, связанные с переездами из Германии во Францию. Как он

сказал однажды Алексею Ивановичу: «НАТО мне командировочных не платит».

В очередном своем отчете о работе с Мюратом полковник Лебедев написал: «Мюрат будет нам помогать тем, что у него есть. Он сам рассматривает и просит нас рассматривать эту помощь как проявление симпатии к нашей стране.

Я понимаю, что разговор о цифрах стесняет его, и он испытывает определенное неудобство. Нет нужды снова возвращаться к финансовому вопросу».

Казалось бы, работа налаживается. Лебедев понимал, что таскать секретные документы из Германии в Париж опасно, и предложил Мюрату переснимать их на фотопленку. Тот согласился.

Первые шаги на сложном и опасном поприще

Однако вскоре в работе оперативного офицера Лебедева и его агента произошел серьезный сбой. Он как раз и показал, что профессионализм обоих еще далек от совершенства, в сущности, и тот и другой не имеют серьезного опыта разведработы. У Лебедева, несмотря на весьма солидную официальную должность военно-воздушного атташе, это была первая зарубежная командировка, и ему еще предстояло стать маститым разведчиком. Что же касается Мюрата, то он и во все делал свои первые шаги на сложном и опасном поприще.

А просчет заключался в следующем. На очередной встрече с Алексеем Ивановичем Мюрат передал кассету с фото пленкой с якобы отснятыми документами из штаба НАТО. Кассету отправили в Центр. Однако в кассете пленки не оказалось.

Расследование показало, что Лебедев, перед тем как передать кассету Мюрату, не проверил ее на наличие пленки. Центр расценил это как ЧП.

Следующим отличился Мюрат. Он отснял восемь кассет фотоаппаратом «Минокс». К глубокому огорчению сотрудников в Москве, пленки оказались нечитаемы. Лучшие техники ГРУ пытались «вытянуть» их, увы, ничего из этого не получилось. Эксперты определили, что агент при экспони-

ровании неправильно выставил расстояние. Мюрат был искренне огорчен, но ошибку не признал, объяснил «провальную» съемку недостаточным освещением.

Все это переполнило чашу терпения, и Центр вызвал Лебедева для объяснений в Москву. Здесь Алексей Иванович был заслушан на всех уровнях. Командование отметило его положительную работу с Мюратом, в частности, организацию фотографирования документов и ценность полученной информации. Однако его серьезно предупредили о недопустимости повторения срывов встреч и передачи пустых кассет. При этом были отмечены и некоторые другие недоработки в работе с источником. В частности, отказ Мюрата от безличных форм связи, излишняя спешка и краткость встреч.

Вместе с тем командование отметило, что Мюрат проявляет самостоятельность, трезво оценивает обстановку и действует с учетом объективных условий. В итоге Лебедеву было приказано продолжить работу с Мюратом, но вести ее максимально осмотрительно, чтобы не поставить под удар контрразведки ни себя, ни источник. Одновременно Алексею Ивановичу рекомендовать готовить Мюрата к работе с другим оперативным офицером, действующим под прикрытием советских гражданских учреждений.

Центр наметил еще три ключевых вопроса на этом этапе работы с Мюратом. Во-первых, учитывая его отрицательное отношение к оплате работы, открыть в резидентуре персональный счет на имя Мюрата на случай непредвиденных об-

стоятельств.

Во-вторых, организовать и провести встречу агента с представителем Центра.

И наконец, изучить и обсудить с источником его возможности, а также готовность информировать нас о планах подготовки вооруженных сил НАТО к внезапному нападению на СССР.

После возвращения в Париж, на первой же встрече с Мюратом Лебедев обсудил эти вопросы. В целом реакция Мюрата была положительной, но, как всегда, неоднозначной. Он сказал, что готов работать с другим советским представителем при условии, что это будет надежный для него и преданный СССР человек. При этом добавил: «Я работаю не на Лебедева или кого-то другого. Я помогаю вооруженным силам Советского Союза». По поводу встречи с представителем Центра Мюрат ответил, что готов встретиться, хотя и не видит в этом особой необходимости. Он поблагодарил за открытие персонального денежного счета, но просил передать командованию: позиция остается прежней. Его задача добывать документальную информацию, а как ее оценивать, – дело Москвы. По поводу возможности информирования о внезапном нападении вооруженных сил НАТО на СССР Мюрат сказал, что это серьезная проблема и над ее решением необходимо серьезно поработать.

Встреча Мюрата с представителем Центра была организована и проведена уже через три месяца после возвращения

Лебедева из поездки в Москву. Из предложенных двух городов – Брюсселя и Парижа – Мюрат в интересах безопасности остановился на Париже. Кандидатуру для проведения инструктивной встречи с Мюратом подбирали вдумчиво. В итоге выполнение этой задачи было поручено заместителю начальника европейского управления генералу Павлу Мелкишеву. Это был опытный, толковый разведчик с большим стажем зарубежной работы еще в годы войны. Он отлично владел английским языком.

Перед отъездом Мелкишев проанализировал все имевшиеся в Центре документы по работе с Мюратом с момента установления с ним знакомства. В его рабочих записях было более 50 вопросов служебного и личного характера, которые он хотел задать Мюрату. Сама постановка таких вопросов могла не только оживить беседу, сделать ее более открытой и доверительной, но и показала бы Мюрату, что высшее командование вооруженных сил Советского Союза о нем знает и его работу высоко ценит.

Встреча состоялась ночью в загородном доме. Представитель Центра и агент вели себя просто и непринужденно. Беседовали на английском языке, который оба знали свободно. Это располагало Мюрата к большей откровенности. Разговор шел достаточно интенсивно, так как служебные обстоятельства диктовали время пребывания Мюрата в Париже. В его распоряжении было «окно» с 22 часов вечера до 7 утра.

Мюрат был откровенен. Он поблагодарил Мелкишева за

высокую оценку его труда и сказал, что сделает все возможное, чтобы добыть документы, с перечнем которых его ознакомили. Вместе с тем подчеркнул, что нельзя требовать и ожидать от него того, что он не в силах выполнить.

За дружеским ужином Мюрат рассказал обо всех нюансах, связанных с добыванием документов. И тут впервые выяснилась любопытнейшая деталь. Оказалось, что к большинству секретных материалов, которые Мюрат передавал Лебедеву, он не имел официального доступа. По своему служебному положению у него не было необходимости, да и права знакомиться с этими документами. Вот так сюрприз! Разведчики замерли от удивления. Этого не знал никто: ни Лебедев, ни резидент, ни тем более представитель Центра.

Вновь открывшиеся обстоятельства ставили иные задачи по обеспечению безопасности агента. Но Мюрат тут же постарался успокоить собеседников: мол, ничего страшного, что он не имеет доступа к этим документам. Получаю их для ознакомления на дружеских основаниях. Нахожу солидную причину или, попросту говоря, – легенду. Он сообщил также, что фотографировать документы в служебных условиях сложно и опасно. Да и освещение оставляет желать лучшего. В общем, Мюрат нарисовал далеко не радостную картину получения, фотографирования и доставки документов из штаба НАТО в ФРГ во Францию.

Генерал Павел Мелкишев, откровенно говоря, был шокирован методами работы агента, когда узнал, что отснятые

пленки он частенько хранит в своем рабочем сейфе, а перевозит в портфеле или просто в кармане. Он предложил использовать тайники для хранения, транспортировки и передачи материалов. Мюрату тут же был показан тайник для пленок в обувной щетке.

Теперь настало время удивляться Мюрату. Он сказал, что старшие офицеры НАТО не таскают с собой обувные щетки. Агент отказался от использования тайников на местности. Не взял он и громоздкий фотоаппарат «Экзакта». Относительно использования тайнописи Мюрат обещал подумать, но особого восторга это предложение у него не вызвало.

Мелкишев не стал спорить и убеждать Мюрата, а оставил эту проблему на будущее. Он только попросил его быть осторожным и предусмотрительным. Касаясь своих личных и служебных проблем, Мюрат сказал, что постарается разобраться в них лично, но учтет рекомендации разведчиков.

Цели встречи были достигнуты. Центр понял, с кем имеет дело. Вот такой он, их ценный агент, со всеми достоинствами и недостатками. В свою очередь честолюбие Мюрата было удовлетворено. Он убедился, что командование советской военной разведки в Москве знает о его работе и высоко ее ценит.

После отъезда генерала Павла Мелкишева из Москвы пришло указание: «...Мюрата передать на связь другому оперативному офицеру...» Резидент предложил на выбор пять кандидатур, но все они были отклонены Центром. На-

конец, остановились на полковнике Игоре Ананьине, который работал под крышей торгпредства. Опытный разведчик, фронтовик, работал за границей в Скандинавии.

После нескольких лет работы с Ананьиным Мюрата примет на связь капитан 2-го ранга Виктор Любимов. Ведь десять лет срок немалый.

За эти годы Мюрат вырастет в опытного, расчетливого, высокопрофессионального агента. Его феноменальные возможности поражали. Даже привыкший к «высшему пилотажу» Мюрата в добывании секретных документов Центр нередко был поражен его умением действовать на опережение. Достаточно сказать, что за годы работы на советскую военную разведку он передал в Центр более 20 тысяч (!) листов секретных документов.

За свою деятельность Мюрат удостоился ордена Ленина и представлялся к званию Героя Советского Союза. Почему не получил золотую звезду? Увы, на этот вопрос вряд ли кто теперь ответит.

Что же касается вербовщика Мюрата – Алексея Ивановича Лебедева, он благополучно возвратился в Москву из Франции. Его успешная работа была отмечена орденом Красной Звезды. Несколько лет он служил в Москве. Потом ему предложили новую командировку за границу. Кстати говоря, от этой командировки некоторые его коллеги бежали как черт от ладана.

Вновь на войне

...В тот день полковника Лебедева вызвал к себе начальник управления. Пригласил присесть. Разговор повел изда- лека. Вспомнили Францию, Париж. Алексей Иванович тер- пеливо ждал. В конце концов генерал его не на вечер вос- поминаний пригласил. Действительно, вскоре начальник до- шел до сути.

– Вот что, Алексей Иванович, есть предложение напра- вить вас в командировку. Небось, надоело сидеть в Москве. Лебедев улыбнулся.

– Разве от настоящего дела отказываются?

Казалось бы, генералу такой ответ бальзам на сердце. А он почему-то замялся, поморщился и с хитрым прищуром сказал:

– Да видишь ли, непростая это командировка. Не Париж, предлагаю. Совсем не Париж.

Генерал помолчал, раздавил в пепельнице сигарету.

– Вот говоришь, не отказываются. Еще как отказываются. На твоём месте уже двое сидели.

– И что? – удивился Лебедев.

– Да ничего, оба в отказ. У одного жена больная. А другой и причину искать не стал, говорит, знаете, товарищ генерал, я уже на той войне вдоволь навоевался. Больше не хочу. Так что ты не спеши, сначала подумай, прикинь. Можешь с же-

ной посоветоваться.

Лебедев слушал неторопливую речь генерала и уже понимал: речь пойдет о Вьетнаме.

В июле 1964 года эсминец «Мэддокс» покинул японский порт Иокосука и двинулся в Тонкинский залив. В начале августа к нему присоединился эсминец «Тэрнер Джой». Теперь это была тактическая боевая корабельная группа. Она выполнила свою задачу.

4 августа радары «Мэддокса» обнаружили северовьетнамские торпедные катера и открыли огонь. Капитан Джон Гэри сообщил о случившемся в штаб Тихоокеанского флота, который располагался в Гонолулу.

Напрасно адмирал Шарп пытался добиться ясного ответа: был ли бой? Атаковали ли северовьетнамские катера американские корабли? Утвердительного ответа он не получил. Да и, в сущности, ответ этот оказался никому не нужен. Огромная военная машина Соединенных Штатов была приведена в действие. 64 самолета стартовали с авианосцев «Тикондерога» и «Констеллейшин» и нанесли ракетно-бомбовые удары по целям в Северном Вьетнаме. Началась жестокая воздушная война.

Так что правду сказал генерал, это не Париж.

– Мы хотим предложить вам должность военного атташе во Вьетнаме, – подытожил начальник управления. – С ответом не тороплю.

– Не торопите? Но там же война.

Генерал вздохнул.

– Потому и не тороплю, Алексей Иванович.

– Ну что ж, – Лебедев встал, – я уже все обдумал. Согласен.

Вскоре полковник Лебедев уже был в Ханое. Сам путь из Москвы в столицу Северного Вьетнама оказался очень поучительным.

К сожалению, Алексей Иванович не оставил воспоминаний, но некоторые эпизоды он поведал дочери Светлане, а та в свою очередь нам. Позже я прочел выложенные в Интернете воспоминания офицера наших зенитно-ракетных войск Каима Шайхетдинова, который защищал небо Вьетнама от американских агрессоров. Его признания очень напоминают рассказ Светланы Алексеевны Старновской (Лебедевой).

«Летим по маршруту Москва – Иркутск – Пекин – Ханой. Никто не знает, где, сколько придется быть.

В Пекин прилетели рано утром 16 марта. Столичный аэропорт Китая был совершенно пуст. Не было привычных очередей у касс, ожидавших своего рейса пассажиров, встречающих с букетами цветов.

В стране идет революция. Культурная. Позже мы поняли, что пустые залы объясняются не только занятостью людей революцией. В то время в Китае авиация была плохо развита. В гражданской авиации числилось буквально несколько десятков самолетов. Из-за дороговизны билетов полеты на них были недоступны простым людям.

Сидим в одном из залов. Недалеко открылся киоск. Две девушки в униформе выставили книжечки, брошюры. Яр-ко-красные цитатники Мао Цзэдуна.

В зал вошли дети детсадовского возраста. В руках у них портреты Мао или плакаты. На них есть надписи и на рус-ском языке.

Через несколько секунд по взмаху руки воспитательни-цы дети начали петь. Поют старательно, громко. Поют о неугасающем красном солнце, необъятной и могучей стране Востока, а также о советском ревизионизме.

...До Шанхая летим китайским рейсовым самолетом. Во время полета нам опять показали концерт. На этот раз силами экипажа и пассажиров-китайцев. На русский пере-водит стюардесса. Мы, «отступники от диктатуры про-летариата», «советские ревизионисты» слушали. Куда уй-дешь?»

В Шанхае концерта не было, вспоминает Шайхетдинов, но там соглашались покормить проголодавшихся советских специалистов после того, как они подпишут какие-то бумаги. Но какие? Подписывать отказались, остались голодными.

Далее – аэропорт Чанска. Здесь «советским ревизиони-стам» устроили еще более мощный пропагандистский кон-церт.

«Организаторы концерта, – пишет Шайхетдинов, – пре-возмогли своих коллег из других городов. По вражде, злобе. Здесь конкретно назывались фамилии руководителей ком-

партии Советского Союза и государства. Рекой лилась настоящая пропагандистская грязь».

В Наннине, небольшом городке на юге Китая, советских специалистов к самолету «проводжали» толпы солдат с зажженными факелами.

После такой эмоциональной «зарядки» на пути из Москвы во Вьетнам было о чем подумать, поразмышлять.

В аппарате полковника Лебедева трудились три офицера – Евгений Легостаев, Иван Шпорт и Илья Рабинович. Задач было много. Как говорят, на войне как на войне. Но главные – добывание и изучение американской боевой техники и оружия, отправка ее на родину, в Советский Союз с целью совершенствования и разработки отечественных образцов.

Здесь под руководством Лебедева и его офицеров трудилась группа советских специалистов. В нее включались опытные военные инженеры из различных министерств оборонной промышленности – Миноборонпрома, Минмаша, Минавиапрома, Минрадиопрома. В состав этих групп, как правило, включались спецы из военно-воздушной академии, НИИ Минобороны.

Некоторые трофейные образцы американского оружия и техники передавали советским специалистам сами вьетнамцы, в частности инженерное управление Генштаба Вьетнамской народной армии. Но это была лишь малая толика. Основные образцы приходилось добывать самим. Снимали их со сбитых самолетов, вертолетов, беспилотников.

В Москву были отправлены многочисленные образцы американской авиационной техники, боеприпасов, радиоэлектронной аппаратуры, информационных документальных материалов.

Журналист-международник Михаил Ильинский, сам прошедший фронтовыми дорогами Индокитая, в своей книге «Вьетнамский синдром. Война разведок» пишет: *«Военный атташе Алексей Иванович Лебедев... готов был залить спиртным каждого (деньги были не в ходу), кто принесет ему хоть какую-либо электронную деталь от сбитого американского самолета».*

Однако, несмотря на такую «высокую плату», приносили редко. Что значит добыть не сработавший авиационный боеприпас или снять некий электронный блок с самолета? Это надо проникнуть на территорию, где только что шли бои, и рискнуть жизнью. Так что зачастую приходилось рисковать самим.

По заключению Военно-промышленной комиссии работа военного атташе, его офицеров, специалистов группы оказала неоценимую помощь нашим ученым и конструкторам-оборонщикам, сэкономила крупные денежные средства, сократила сроки разработки отечественных образцов оружия и техники.

«У нас очень грамотно делало свое дело Главное разведывательное управление Генерального штаба, – пишет в своих мемуарах один из ведущих конструкторов КБ Сухого Олег

Самойлович. — Там работали специалисты, очень квалифицированные инженеры».

Второй, не менее важной задачей военного атташе Лебедева и его аппарата, был анализ тактических приемов ведения боевых действий США в условиях Вьетнама, а также способов боевого применения нового оружия и техники.

Тот же Ильинский отмечает: *«Аппарат военного атташе Героя Советского Союза, боевого летчика, в то время полковника Алексея Иванович Лебедева (позже генерал-майора авиации), определил, что МиГи-17 и -21 с вьетнамскими летчиками были способны воевать наравне с любыми типами американских самолетов. А «непобедимые» в 50-х годах «В-52», как и истребители-бомбардировщики с меняющейся геометрией крыла «F-11А» — новинки авиации США, — «целкались» ракетными дивизионами. И зачем сейчас американцам об этом вспоминать?! Не выигрышная «реклама» на рынке оружия. Да и удар по чувствам американского патриотизма».*

При этом следует отметить, что истребительная авиация противовоздушной обороны и ВВС Вьетнамской народной армии уступала авиации США в среднем в 8—11 раз на различных этапах войны. Тем не менее в ходе ведения боевых действий с американцами были внедрены такие важнейшие принципы, как внезапность, активность и решительность действий с превосходящими силами противника, и даже при неблагоприятных условиях ведения боя.

Помните четыре фашистских истребителя и один штурмовик Алексея Лебедева? Это и есть те самые неблагоприятные условия боя с превосходящими силами противника. Так что генералу авиации Лебедеву было чему научить своих вьетнамских коллег.

В свою очередь активные и результативные действия пилотов ВНА заставили американцев выделять значительные силы для боевого обеспечения авиационных групп. В общем составе ударного «авиационного кулака» группы обеспечения составляли от 20 до 50 %.

Военный атташе, его офицеры, советские военные специалисты вместе с вьетнамскими летчиками разработали, и умело применяли во фронтовой обстановке, такие тактические приемы ведения воздушного боя, как «одновременный удар», «глубокое проникновение», «демонстративный маневр».

Вьетнамские летчики воевали храбро и умело. В 1968 году истребительная авиация ВНА сбила 44 самолета и, что особенно важно, 86 % из них с первой атаки. В 1972 году все 89 самолетов были сбиты с первой атаки.

В этом же году будущий вьетнамский космонавт, летчик Фам Туан на истребителе МиГ-21 сбил ракетой американский В-52.

Во всех победах пилотов есть несомненный вклад и советского летчика-аса военного атташе Алексея Ивановича Лебедева.

Работать во Вьетнаме приходилось много и напряженно. По-иному было нельзя. Так работали все советские генералы, офицеры, гражданские специалисты.

Климат для советского человека, выросшего в средней полосе России, сложнейший: высокая температура воздуха и стопроцентная влажность.

В аппарат военного атташе постоянно шли доклады: среди советских военнослужащих есть, пусть и единичные, заболевания энцефалитом, вспышки дизентерии, пищевые отравления. А влияние боевой обстановки – стрессы, связанные с угрозой бомбежек, длительный отрыв от родных и близких.

Были и иные неприятные сопутствующие обстоятельства. Например, китайцы. Офицер-зенитчик Каим Шайхетдинов, которого мы цитировали ранее, так пишет о встречах с китайцами.

«Граждан Демократической Республики Вьетнам китайского происхождения в стране много. Если прибавить к их числу китайцев-военнослужащих, введенных по обоюдному соглашению, то они на каждом шагу. В кузовах машин китайские солдаты стояли набитые битком. Ехали с поднятым верхом, портретами Мао Цзэдуна. Оружие всегда при себе.

Вьетнамские товарищи старались возить нас по дорогам, где китайцев не было. Но если требовала обстановка, приходилось ехать и мимо них. Сколько мы простаивали из-за них на дорогах, переправах. Остановив нашу машину и

узнав, что едут «лиенсо», они окружали нас, начинали выкрикивать ругательства, бросали камни, сыпали на крышу землю, песок. Чтобы мы не могли двигаться, впереди машины ставили «козлы» из оружия, портреты Мао. Попробуй, тронь.

Отношения были не просто натянутыми, порою открыто враждебными. В этих условиях президенту Хо Ши Мину приходилось вести очень гибкую политику в отношении СССР и Китая. Один неверный шаг мог привести к серьезным последствиям».

Далее автор воспоминаний говорит, как оценивал советско-китайские отношения во Вьетнаме Лебедев.

«Военный атташе при посольстве СССР во Вьетнаме генерал Алексей Иванович Лебедев говаривал, что этот баланс временами держится на волоске и опасно шатается. Были какие-то неведомые силы, которые искусственно раскачивали этот волосок».

Однако самым тяжелым был не климат, не дизентерия с энцефалитом и даже не озлобленные фанатичные китайцы.

Самым тяжелым и опасным была сама война. На той второй войне генерала Лебедева спасло чудо. Вот как об этом рассказывает его дочь Светлана.

«Отец с матерью едва не погибли. Все дипломаты жили в одном районе, недалеко от Ханоя. И американцы, которые регулярно бомбили столицу Вьетнама, прекрасно знали этот городок. Там располагались дипломаты из разных

стран. Их естественно не бомбили. Но война есть война. И вот «слепой» заблудившейся «шрайк» прилетел в спальню Лебедевых. К счастью, мать с отцом уже встали. Папа пошел умываться, он брился, мама – готовила завтрак. Хотя, обычно она в это время спала. А тут словно почувствовала, поднялась, хлопотала на кухне.

Удар, обвалилась стена. Журналисты потом писали, он, мол, такой мужественный человек, даже не вздрогнул, не обрезался. Да, он мужественный человек, но погибнуть почти через четверть века после войны перспектива не радужная».

...В 1968 году Лебедев вернулся из Вьетнама. За работу в Ханое удостоился ордена Красного Знамени с цифрой «3». Это означало, что на груди появился очередной, на этот раз третий, очень авторитетный и любимый фронтовиками, орден.

В Москве Алексея Ивановича долго не задержали. Предложили поехать военным атташе в Алжир. По тем временам не самая спокойная должность. Еще не закончилось бурное десятилетие 1960-х годов, когда эта страна пережила многочисленные потрясения – войну, борьбу за независимость, Эвианское соглашение 1962 года, референдум и, наконец, долгожданную свободу, а вместе с ней и массу проблем. Одна из которых – многочисленные минные поля на границе с Марокко и Тунисом. Своими силами алжирцы справиться с таким количеством мин не могли. Они обратились за

помощью к Западной Германии, Италии, Швеции, но им отказали. Советский Союз согласился оказать помощь в уничтожении минно-взрывных заграждений. Туда прибыла одна оперативная группа советских инженерных войск, потом вторая. За три года советские саперы обезвредили 1,5 млн мин, разминировали 800 км минно-взрывных полос, очистили 120 тыс. гектаров земли.

Потом приехали советские советники и специалисты, которые помогали создавать национальную армию страны.

Так что у Алексея Ивановича Лебедева в Алжире хватало забот. Однако, как говорят, пути Господни неисповедимы. Он был неожиданно вызван в Москву и получил новое назначение – военным атташе в Париж.

По возвращении из Франции генерал-майор Лебедев возглавил факультет в Военно-дипломатической академии. Несколько лет преподавал опыт молодым, а в 1975 году был назначен военным атташе в Берлин, в Германскую Демократическую Республику.

По возвращении из ГДР уволился в запас.

...Помнится несколько лет назад генерал-майор Владимир Стрельбицкий, друг и однокашник по академии, сказал о Лебедеве прекрасные слова. Я записал их на диктофон. Этими словами и хочу закончить свой рассказ о воздушном асе, Герое, выдающемся разведчике.

«Алексей – человек большой души. Весельчак. Балагур. Довольствовался малым. Не было собственной квартиры,

жил на съёмной. Как все. А ведь он – Герой Советского Союза.

Любил Россию, ее песни, стихи. Возьмет баян, растянет меха: «Я люблю тебя, Россия, дорогая сердцу Русь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.